

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №1, Том 13 / 2022, No 1, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK122.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Кошарная, С. А. Белгородская ойконимия в лингвокультурологическом осмыслении / С. А. Кошарная, Ю. В. Сайненко // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK122.pdf>

For citation:

Kosharnaya S.A., Saynenko Yu.V. Belgorod oikonyms in linguoculturological understanding. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 1(13): 15FLSK122. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK122.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 811.1

ГРНТИ 16.21.47

Кошарная Светлана Алексеевна

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия
Профессор кафедры «Русского языка и литературы»
Доктор филологических наук, профессор
E-mail: kosharnaja@bsu.edu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4541-3979>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=354860

Сайненко Юлия Валерьевна

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия
Аспирант кафедры «Русского языка и русской литературы»
E-mail: 702669@bsu.edu.ru

Белгородская ойконимия в лингвокультурологическом осмыслении

Аннотация. В статье представлены ойконимы Белгородской области, отражающие генетически неоднородную языковую и диалектную палитру региона. Языковые особенности Белгородской области репрезентируют специфику историко-культурной ситуации региона, благодаря чему на данной (пограничной) территории сохраняются рефлексы межкультурных и языковых контактов, а также обнаруживается значительный пласт лексической архаики, что находит отражение в области ойконимической лексики. Будучи маркерами лингвокультуры этноса, ойконимы на уровне мотивирующих основ могут транслировать данные об исторических межэтнических контактах, запечатлеть бытовые особенности, особенности хозяйствования в данной местности, характеризовать этнический состав территории в исторической ретроспективе, вбирать информацию об обычаях, религиозных представлениях, значимых исторических событиях, отношениях собственности, эксплицировать географические, ландшафтные и др. «приметы» местности.

Исходя из этого, представляется актуальным анализ не только структуры (словообразования) и грамматического оформления онимов, но — в большей степени — лингвокультурологическая интерпретация транслируемой ими культурной семантики, внутренней формы, устанавливающей языковые и исторические связи на уровне этимона.

В частности, отантропонимические ойконимические номинации отражают историю заселения края в новое и новейшее время, а гидронимика Белгородской области, которая

служит базой для образования ойконимов, зачастую обнаруживает следы древнейшего присутствия на данной территории неславянских народностей. В то же время в исконных гидронимических производящих основах ойконимов нередко отражаются архаичные — мифологизированные — представления славян.

В роли производящих апеллятивов выступают как общенародные, так и диалектные лексемы, причем последние нередко являют собой результаты межэтнических контактов. Что касается структурного оформления ойконимов, то, по нашим наблюдениям, наиболее продуктивными способами их образования оказываются лексико-семантический, суффиксальный и синтаксическое сложение (бинарные ойконимы).

Ключевые слова: Белгородская область; лингвокультурология; ойконим; антропоним; гидроним; этимология; словообразование

Введение

Отражая и репрезентируя менталитет этноса, ойконимы на уровне мотивирующих основ могут транслировать данные об исторических межкультурных контактах, бытовых особенностях, особенностях хозяйствования в данной местности, этническом составе территории в исторической ретроспективе; вбирать информацию об обычаях, религиозных представлениях, значимых исторических событиях, отношениях собственности; географические, ландшафтные и др. «приметы» местности. То есть всякий ойконим — это объективное свидетельство истории народа, проживающего на данной территории.

Актуальность данного исследования детерминирована значимостью решения вопросов, связанных с лингвокультурологической интерпретацией языковых единиц, составляющих региональный корпус ойконимической лексики.

Именно в таком — интегративном — осмыслении в данной работе представлены ойконимы Белгородской области (*далее* — БО), репрезентирующие генетически неоднородную языковую и диалектную палитру региона.

«Региональный язык — неоднородное языковое образование, остро нуждающееся в уточнении границ, поскольку в нем представлены и нормированный литературный язык, и городское и сельское просторечие, и говоры и диалекты, распространенные на данной территории, и переходные явления (например, факты, свидетельствующие о перерождении былых диалектов в региолекты), социолекты, жаргоны, явления смешения и контаминации контактирующих русского и украинского языков (суржик) и др.»¹ И в этом контексте заслуживают внимания имена собственные, характеризующие «языковой ландшафт» региона.

Материалом нашего исследования послужили ойконимы Белгородской области как территории пограничья, обнаруживающие в своём происхождении генетическую связь с языковой и культурной историей региона.

Цель исследования — проанализировать ойконимические образования как репрезентанты языковой и диалектной палитры пограничного региона и выявить типологические структурные образования в системе белгородской ойконимии.

Основными методами исследования выступают общенаучные методы описания, структурного анализа, обобщения, классификации; лингвистические методы

¹ Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / Кол. моногр.; под ред. Т.Ф. Новиковой. — Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. — С. 6.

(лингвосопоставительный метод, этимологический метод, словообразовательный анализ, лингвокультурологическая интерпретация языковых фактов).

Обсуждение

Языковая и диалектная палитра Белгородской области репрезентирует специфику историко-культурной ситуации региона, благодаря которой на данной (пограничной) территории сохранены рефлексы межэтнических контактов, а также обнаруживается значительный пласт лексической архаики, что находит отражение в области ойконимической лексики.

«Несмотря на то, что территория современной Белгородской области в XVI–XVII вв. заселялась украинскими переселенцами из восточной Черниговщины, Полтавщины и Слобожанам Правобережья Украины, первыми переселенцами были русские люди из современных Орловской и Тульской областей: переселенцы несли караульную службу и одновременно занимались земледелием, скотоводством и бортничеством. Поскольку это были служивые люди (стрельцы, пушкарки), специфика их воинской деятельности находила отражение в топонимике области: с. *Стрелецкое*, с. *Пушкарное*, с. *Драгунское*. Отметим, что подобные топонимы фиксируются по всей засечной черте, но в Белогорье обнаруживается специфика таких ойконимов, проявляющаяся в их грамматическом оформлении. Так, в соседней Тульской области, где для охраны государственных границ также селились служивые люди, имеются ойконимы *Пушкарки*, *Стрельцы* и подоб., омонимичные формам множественного числа нарицательных имен *пушкарки*, *стрельцы*. На Белгородчине аналогичные топонимы оформляются как прилагательные, согласуемые со словом *село* (*Пушкарное*, *Стрелецкое*, *Казацкое*)» [1, с. 174].

Однако заслуживает внимания не только грамматическое оформление онимов, но — в большей степени — транслируемая ими культурная семантика, внутренняя форма, устанавливающая языковые и исторические связи на уровне этимона.

В роли производящих апеллятивов в системе белгородской ойконимии выступают как общенародные, так и диалектные лексемы. В ряду ойконимических образований выделяется ряд подгрупп — в зависимости от семантики производящего имени (наименования лиц по профессии, по личностным и внешним особенностям индивида, ландшафтная, зоонимическая, фитонимическая лексика и др.).

Среди продуктивных *морфологических способов* ойконимического образования — субстантивация суффиксальных производных имён прилагательных (полных и кратких). Данный способ образования можно трактовать как *морфолого-синтаксический*.

В ряду таких наименований имеются номинанты, этимологически восходящие к другим ойконимам. Например, **Псковское** — село в Ракитянском районе БО. Свое наименование данное село получило от названия города *Псков*, выходцы из которого образовали селение. Первые упоминания о данном поселении на Белгородчине датированы 1780 годом: «В светлых и голубых озерах и реках водилось много рыбы. Речка Ракита в то время была довольно широкой и глубокой. На ее берегах росли вербы, ивы, ольха, ракита. Вот сюда по царскому указу были переселены первые четыре семьи из Псковской губернии» [2].

Примечательно, что данный ойконим в прошлом имел диалектный вариант произношения (с метатезой, упрощающей произношение группы согласных), закрепившийся в наименовании другого населенного пункта: *Скапская* (*Псковская*) — деревня в Грайворонском уезде.

Аналогично образованы белгородские ойконимы с. *Курское*, х. *Сумской*.

Пушкарное — село в Белгородском районе БО. «Село возникло как слобода пушкарей города-крепости Белгородской черты» [3, с. 45].

Также к наименованиям служивых людей восходят ойконимы **Стрелецкое**, **Казацкое** Белгородского района, образованные по модели полных имен прилагательных среднего рода с суффиксом *-к-*. С территориальной спецификой региона связана семантика производящих основ ойконимов х. **Рубежный**, с. **Сторожевое**.

Ракитное — посёлок городского типа в БО, районный центр. Своё название посёлок получил по реке *Раките*, на которой расположен. Отгидронимическое суффиксальное наименование оформилось как адъектив, а затем — субстантив среднего рода (вероятно, под влиянием слова *село*, с которым первоначально было согласовано на уровне внутренней формы): *Ракита* → *Ракит-* + суф. *-н-* ⇒ *Ракитное*.

По той же модели образованы белгородские ойконимы-субстантивы *Меловое*, *Задорожное* и др. От диалектных апеллятивных лексем по этой модели образованы местные ойконимы х. *Караешный* (Алексеевский район), с. *Караичное* (Шебекинский район), в основе которых лежат, соответственно, основы производящих существительных *караишник* (*караичник*) и *караич* — ‘вязовый криворослый лес’ [4, с. 105].

Явление субстантивации наблюдаем и в ойконимах, восходящих к кратким притяжательным прилагательным с суффиксами *-ов/-ев*, *-ин*.

Кущино — село в Алексеевском районе БО. Данный топоним восходит к нарицательному имени существительному *кущи* — «заросли, чаща». В прошлом Белгородская земля представляла собой обширную территорию, занятую широколиственными лесами (дубовыми и др., среди которых и возводили первые поселения прибывшие сюда служивые люди. Вероятно, именно эти объясняется возникновение подобных ойконимов: *кущи* + суф. *-ин* ⇒ *Кущино*. Первое упоминание о селении датировано 1795 годом. Села Кущинского уезда были владельческими и принадлежали выходцам из Малороссии.

Сходная мотивационная семантика обнаруживается в ойкониме **Гущино** — село в Губкинском районе БО. Топоним восходит либо к нарицательному имени существительному *гуща* — «3. густая заросль, чаща»: *гуща* + суф. *-ин-* ⇒ *Гущино*, либо к производному от него просторечному (разговорному) слову *гущина* — ‘густота, гуща’ [5, с. 153], откуда могло развиваться значение ‘чаща, густой лес’: *гущин-(а)* ⇒ *Гущино*. Достоверно известно, что село возникло XVIII веке и принадлежало Ефиму Червонному. Окрестности селения были окружены непроходимой чащей, поэтому можно полагать, что именование транслирует информацию о «растительном характере» местности.

Уколово — село в Губкинском районе БО. Мы полагаем, что данный ойконим этимологически связан с диалектным нарицательным существительным *укол* — «1. Втыкаемый в землю шест, вокруг которого сметывается стог. *Сметано три стога. В том шесть уколов*. Пудож. Карел., 2005. 2. То, что забито во что-л., закол, забойка. Пск., Даль. 3. Рыболовный закол. Слов. Акад. 1822. Даль [стар.]. <...> 6. Мера земли, тягло, надел. Волог., Даль. [Удар.?]. «На отдел оптом, гулом». Шуйск. Влад., Борисов, 1844. Волог.)».² Думается, что в данном случае в основе семантики ойконима — значение «мера земли»: *укол* + суф. *-ов-* ⇒ *Уколово*. На базе данного ойконима возникает составное наименование — бинарный ойконим **Лесное Уколово**.

² Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. — СПб: «Наука», 2014. — Вып. 47. — С. 73–74.

Фощеватово — село в Волоконовском районе БО. Данный ойконим восходит к местному диалектному фонетическому варианту *фоц* (*хвоц*). Здесь имеет место так называемая «обратная замена»: диалектной «нормой» в южнорусских говорах является замена согласного звука <ф> на <хв> или <х> — в зависимости от положения в слове (перед гласным или согласным: *хвартук*, *кохта*), однако регулярность таких «подмен» приводит к обратному явлению, и возникают такие варианты произношения, как *фост* (*хвост*), *фоц* (*хвоц*). От такого диалектного фонетического варианта с участием суффикса *-ов* образуется ойконим *Фощеватово*. Первое упоминание о селе *Фощеватово* относится к концу XVII века. Полагают, что свое название поселение получило от трудноискоренимых зарослей хвоща. Заметим, что на территории области имеются и другие ойконимы, образованные от данного фитонима, но по другим моделям: село *Фощеватое* (ойконим восходит к прилагательному среднего рода) в *Корочанском районе*, хутор *Фощеватый* (в основе — прилагательное мужского рода, отражающее факт согласования со словом *хутор*) *Красногвардейского района* БО.

По семантике производящих основ здесь выделяются наименования, восходящие к ойконимической, гидронимической, ландшафтной, фитонимической лексике, к номинациям лиц по характеру деятельности, к лексемам, характеризующим пограничное положение региона.

Фонетически сходными, однако представляющими иной способ словопроизводства являются *отантропонимические* ойконимы на *-о*.

Наименования, мотивационной базой которых являются фамильные антропонимы, оказываются весьма распространёнными в Белгородской области.

Шебекино — город, центр Шебекинского района БО. Город возник как *Слобода Шебекина* (отсюда — Шебекино), которая была основана в 1713 г. крепостными крестьянами подполковника по фамилии И.Д. Шибeko (в южнорусском акающем произношении — *Шебека*), который приобрел здесь землю.

В таких ойконимах могут быть запечатлены уже исчезнувшие из современного языка слова, например: село **Долбино Белгородского района БО**. *Долбня* — «колотушка, чекмарь, род большого деревянного молота или чурбан с вытесанною рукоятью, трамбовка» [6, I, с. 134], отсюда возникло прозвище *Долбня* — «работник по дереву, плотник» (родств. глаголу *долбить*), давшее начало фамилии *Долбин*, от которой впоследствии произошло название селения *Долбино*.

Строкино — село в Губкинском районе БО. Достоверно известно, что село возникло в 70-е годы XVIII века и было владельческим. До 1856 года имело иное наименование *Ивановское*. Ойконим *Строкино*, вероятно, восходит к фамилии первопоселенца, образованной от прозвищного имени *Строка* (словообразующий суффикс *-ин-* указывает на то, что прозвищное имя оканчивалось на *-а*). Диалектизм *строка* в различных значениях широко известен по говорам русского языка: «9. О смышленом, хитром человеке, пройдохе. *Он такой строка, что нигде маху не дает*. Южн.-Сиб., 1847. 10. Об удалом, ловком в движениях и бойком на язык молодом человеке. *Ну, уж строка!* Верховаж. Волог., 1849. Волог. 11. О шустром, подвижном ребенке. *Строка больно остро богат*. Башк. АССР, 1970. 2. Строка, ' ж. 1. Оса, подвид осы. Южн.-Сиб., 1847. *Строкой у нас называют вроде осы*. Яросл. Перм., Свердлов., Том., Забайкалье, Сиб. <...> «Строка — вид мухи, кусающее лошадей исключительно в ноздри». Волог., Иваницкий. Влад., Нижегород., Урал. *Строка сзади жалом как ткнет*. Краснояр. 2. Овод. Ишим. Тобол., 1910. *Коровам-то в лесу строки покоя не дают*. Яросл. Костром., Волог. <...> Новг. Влад., Пенз., Симб. <...> Слов. Акад. 1963 [устар. и обл.]. С т р о к а. ' *Строки никакого покоя не дают лошадям. Вот сейчас в лес поехать, так лошадь вся в строках будет*. <...> 4. Муха. *Полна изба строк*. Устюж. Волог., 1977. 5. Стрекоза. Черепов. Новг., 1872. Влад., Свердлов.

6. Кузнечик. Верхотур. Свердл., 1987. 7. Соби́р. Мошкара. Енис., Вост.-Сиб., 1886–1912. *А в тайге строки-то тучи, не продохнешь*. Муромц. Омск». ³ От одного из этих диалектных семантических вариантов могло образоваться прозвищное имя *Строка*.

Плюхино — село в Красногвардейском районе БО. Топонима восходит к фамилии первопоселенца, которая образовалась от прозвищного имени *Плюха*. Вероятно, это имя является отглагольным и восходит к диалектной лексеме *плюхать* (курск.) — «медленно ехать, идти; тащиться». ⁴

Храпово — село в Валуйском районе БО. Существует версия, что фамильный антропоним Храпов восходит к прозвищному имени *Хран*, производному от нарицательного *хран*, которое является отглагольным и соотносится с глаголом *хранеть*. Однако, на наш взгляд, здесь возможна и иная этимологизация. Мотивационной основой прозвищного имени *Хран* может служить диалектное нарицательное имя существительное *хран* (курск.) со значением «нахал, наглец, буян» [6, IV, с. 564] (ср. разг. *нахраном* «дерзко, нагло, бесцеремонно»). Таким прозвищем могли наречь человека эмоционально неустойчивого, склонного к бурному выяснению отношений. И именно от этого прозвища мог образоваться фамильный антропоним *Храпов*. На базе данного антропонима возникает ойконим *Храпово* как субстантивированное краткое притяжательное прилагательное среднего рода.

Шелаево — село в Валуйском районе БО. Вероятно, данный ойконим восходит к фамильному антропониму *Шелаев*, в свою очередь, восходящему к прозвищному имени *Шелай*. В основе антропонима лежит нарицательное имя существительное тюркского происхождения *shelai* — «шалльной, шалолай» [7]. На русскоязычной почве возникает фамилия с русским патронимическим суффиксом *-ев*: — *Шелаев*.

Шмарнино — село в Старооскольском городском округе БО. В основе данного ойконима просматривается фамильный антропоним *Шмарнин*, восходящий к прозвищному имени, возможно, родственному диалектному *шмара* (южн., вост.) — «тина на воде, ряска». Однако такое имя может быть родственно и диалектной лексеме *шмарудить* (псковск.) — «проказничать» [6, IV, с. 640].

Шопино — село в Яковлевском районе БО. Первые упоминания о селении датированы 1646 годом: «Деревня на Липовом Донце на устье Липового ерка на Крымской стороне, а в ней поместья за детьми боярскими: станичный голова Тимофей *Шопин*, Филимон Козлитин, Сидор Красников, Минай Стрелников, Иван *Шопин*, Емельян *Шопин*, Пётр Путятин, Сава *Шопин*». ⁵ Таким образом, ойконим восходит к фамилии первопоселенцев. Сама же фамилия образована от диалектной лексемы *шоп* (южн.) — «большой навес» [6, IV, с. 642].

Еще одной распространенной словообразовательной ойконимической моделью является образование топонима от фамильного антропонима при помощи форманта *-к-*.

Кочетовка — село в Ивнянском районе БО. Ойконим восходит к фамилии *Кочетов*, которая образована от прозвищного имени *Кочет*, в основе которого лежит нарицательное диалектное существительное *кочет* — «петух», широко распространённое в говорах Белгородской области: *кочет* => *Кочет* => *Кочет* + суф. *-ов* => *Кочетов* + суф. *-к-* => *Кочетовка*.

³ Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. — СПб: «Наука», 2008. — Вып.42 — С. 24.

⁴ Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. — СПб: «Наука», 1992. — Вып.27. — С. 172.

⁵ Шопино: Энциклопедия земли Яковлевской: URL: <http://yakovlibr.ru/shopino> (дата обращения 20.12.2021).

Курасовка — село в Ивнянском районе БО. Ойконим восходит к фамильному антропониму *Курасов*. В свою очередь, фамилия образуется от прозвищного имени *Курас*. Однозначно ответить на вопрос об этимологии прозвища затруднительно. Здесь возможны различные этимологизации: «Курасы, мн. [Знач.?]. Яков Иванович понял, что это — *курасы* Николая Тимофеевича, и говорит старику: — Ну, как же я у тебя принимать-то буду: смотри-ка, как ты их всех веревкой измял. Галк. Курган., 1939. <...> 1. Курать, аю, аешь, несов., перех. и неперех. 1. Делать что-либо плохо, кое-как. Верховая; Волог., 1849. Волог., Вят., Пенз. 2. Шить что-либо кое-как, небрежно, наспех, плохо. Казан., 1847. Пенз., Нижегород. <...> Перех. Зашивать, чинить одежду. <...> Влад., Волог. || Перех. Шить что-либо из лоскутков, перешивать. Нижегород. Нижегород., 1852. Нижегород., Влад. <...> 4. Говорить вздор, нелепость. Шадр. Перм., 1913. Перм., Урал., Тобол. <...>».⁶

Шеньшиновка — село в Волоконовском районе БО. Вероятно, в основе ойконима лежит не фамильный антропоним, а притяжательное прилагательное: (чей?) *Шеньшинов* + *суф.-к* => *Шеньшиновка*. О возможности такого образования ойконима свидетельствуют данные историко-культурного характера. На территории области бытует фамильный антропоним *Шеншин*.

Данную фамилию носил и русский поэт Афанасий Афанасьевич Фет (*Шеншин*): орловский помещик А.Н. Шеншин — отец поэта [7].

Фамилия *Шеншин* упоминается в Государственном архиве Воронежской области: «Основателем села Покровка является Евдоким Степанович (1743–19.09.1808 г.). <...> Он был коллежским асессором, также владельцем села Пятницкое Бирюченского уезда Воронежской области и слободы Успенской по разделу 17 марта 1789 года, это подтверждает выписка из летописи Успенской церкви. <...> занимал пост Валуйского уездного предводителя дворянства (1792–1796 гг.), женат был на Аграфене Ивановне *Шеншиной*».⁷

Шеншины — древний и обширный дворянский род, в который входили крупные помещики-землевладельцы. Соответственно, закрепленные за ними крестьяне именовались *шеншиновыми* (то есть *принадлежащими Шеншиным*), а место расположения помещичьей усадьбы в этом контексте получало наименования *Шеншиновка* или *Шеншинка*: «**Шеншиновка** Волоконовского района Белгородской области. В 1859 году — Бирюченского уезда «слобода владельческая **Шиншиновка** (**Шеншинка**, Ивановка) при протоке речки Репьевки (Арепьевки)», «по правую сторону тракта на г. Харьков» [3].

Однако фамилия *Шеншин* до сих пор не имеет однозначной этимологии. По мнению специалистов «Информационного портала республики Марий Эл», фамильный антропоним *Шеншин* образован от прозвищного имени *Шеньша*, восходящего к названию старинного марийского села *Тушак Шеньша* («Тушак, Шенша тож»; в настоящее время — село *Шиньша*), Название села, по мнению специалистов указанного портала, возникло на базе гидронима: близ села протекает река *Шиньшинка*, наименование которой переводится как «река в зрелых».⁸

⁶ Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. — Л.: «Наука», 1980. — Вып. 16. — С. 111–112.

⁷ Государственный архив Воронежской области. Ф. 29. Оп. 3. Д. 30. Л. 46. Цит по: Маркович Э.М. История возникновения и развития села Покровка Волоконовского района Белгородской области. — Белгород, 2017. — С. 18.

⁸ Шеншин: Информационный портал республики Марий Эл. URL: <https://www.analizfamilii.ru/Shenshin/proishozhdenie.html?familiya=%D8%E5%ED%FC%F8%>.

На наш взгляд, данная версия не вполне убедительна, в том числе — в силу собственно языковых несоответствий: более простое по своей структуре наименование (*Шеньша*) не образуется от более сложного (*Шеньшинка*), скорее, здесь имеет место обратное направления процесса словообразования; необъяснима и замена Е на И в корне слова.

Существуют и иные гипотезы: ряд исследователей возводит эту фамилию к мужскому татарскому имени Шамси (от араб. *шамс* — «солнце»), другие полагают, что здесь просматривается ласкательная кличка жеребят (*шеня, шенька, шеньша, шенюшка*), однако неясно, к какому корню восходят данные клички.

Однозначно может быть охарактеризована только структура антропонима как производящей базы ойконима. Известно, что фамилии на *-ин* в русском языке образуются от имен на *-а* [8; 9; 10]. Следовательно, фамилия *Шенин* восходит к прозвищному имени *Шенша/Шеньша*.

По той же отантропонимической словообразовательной модели образованы белгородские ойконимы *Титовка, Шидловка, Борисовка* и подоб.

Менее распространёнными являются **сложные топонимы**.

При этом наименование региональной столицы образовано именно посредством сложения — **Белгород** (*бел-* + *город*).

Сухосолотино — село в Ивнянском районе БО. Первые упоминания о поселении датированы 1784 годом: «Село находится при речке *Сухой Солотинке*, впадающей в реку Псел, протяженность ее 15 верст» [3]. В основе гидронима — диалектизм *солоть* — «1. То же, что 1. Солотина (в 1-м знач.) <1. Сырое, вязкое место; болото>. Волог., 1822. Новг., Яросл., Моск., Ворон., Удм. ССР. • Болото со ржавой водой. Переясл. Влад., 1848. Калинин. || Топкое место, где на поверхность выходит подземная вода, ключ. Кадн. Волог., 1896».⁹

Гидроним *Сухая Солотинка* является своеобразным оксюморном: ‘сухой’ + ‘сырой’. Возможно, это связано с особенностями пересыхающей или мелкой в засушливый период реки. Ойконим *Сухосолотино* образуется посредством сложения основ с участием интерфикса *-о-* и суффикса *-ин-*: *сух-* + *-о-* + *солот’* + *-ин-* => *Сухосолотино*. В таком случае следует говорить о собственно морфологическом способе словопроизводства.

Однако возможен иной путь образования ойконима: *Сух-* + *Солотино*. Данная версия имеет право на существование, поскольку ранее в Обоянском уезде Курской губернии (по данным 1862 г.) функционировал сходный ойконим — *Сухая Солотина*. Полагаем, что женский род ойконима возник в силу фонетических причин (аканье в южнорусских говорах нередко переводит слово среднего рода с безударным окончанием *-о* в женский род, ср. диал. белг. *мяса, суп с мясой* и подоб. Если мы признаём существование самостоятельного ойконима *Солотино*, то перед нами факт морфолого-синтаксического словосложения: *Сухое Солотино* => *Сухосолотино*.

Илэк-Пеньковка — село/посёлок в Краснояружском районе БО. Через село протекает река *Илэк*. Ниже по течению реки (в соседнем Ракитянском районе БО) имеется населённый пункт с названием **Илэк-Кошары**. По мнению краеведов, поселение возникло ок. 1658 года, а первопоселенцами были казаки-черкасы, ушедшие под российский «патронат» от гнёта Речи Посполитой. Первоначально поселение носило наименование *Черемошное* (от укр. *черемха, черемшина* — многолетнее травянистое растение, относящееся к семейству Амариллисовых, известна под названиями *дикий чеснок, медвежий лук*).

⁹ Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. — СПб: «Наука», 2005. — Вып. 39. С. 304.

Первая часть ойконима *Илѣк-Пеньковка* восходит к неславянскому гидрониму: «Илѣк, -лька, м. — река, лев. пр. Псѣла; начало берет юж. д. Илѣк Краснояружского р-на Белгородской обл.; впадает на тер. Беловского р-на Курской обл. против устья Корочки» [11, с. 38]. Гидроним *Илѣк* является тюркизмом, возможные этимоны имеют значения «летнее пастбище», «степь». Н.И. Шувалов возводит гидроним к башкирскому слову *илек* со значениями «дикая коза», «косуля» и полагает, что название может указывать на место обитания этих животных (косули действительно являются распространенными животными региона). Башкирское слово соотносится с татарским *илик*, киргизским и чагатайским *елик* в том же значении «косуля». В то же время Н.И. Шувалов устанавливает связь слова с именованием родовой башкирской группы *илек* или древнего башкирского мужского имени *Илек* [12]. В силу того, что территория области в прошлом была местом пересечения многочисленных разнородных межэтнических контактов и попеременного проживания или временного пребывания на данной территории различных этносов, такая версия также правдоподобна.

Заметим, что данный гидроним не является уникальным: река *Илѣк* протекает и в Актюбинской области Казахстана и Оренбургской области России (это самый крупный левобережный приток Урала). Безусловно, следует полагать белгородский гидроним *Илѣк* привнесенным, заимствованным. Что касается второй части сложного ойконима — *Пеньковка*, то целый ряд украинских сѣл известны под этим названием (в частности, в Винницкой области). Слово *Пеньковка* родственно лексеме *пенька* — «конопля», ср. «польск. *pienka*. Заимств., возм., через тюрк. (ср. чагат. *beng* «конопля» (Кунош))» [13, с. 233]. Вероятно, этот ойконим «принесли» с собой первопоселенцы черкасы. В недавнем историческом прошлом на территории региона в хозяйственных целях активно выращивалось это растение, из которого изготавливалась одежда, рушники и подоб.

Ойконим *Илѣк-Кошары* также транслирует информацию о хозяйственной деятельности: *кошара* — «помещение для содержания овец, скота». Заметим, что в Белгороде один из районов сохраняет старое название *Кашары*, в Губкинском районе имеется хутор с таким названием. Слово *кашара* (с рефлексом аканья — от *кошара*) как неуникальный апеллятив для белгородских ойконимов информативен в контексте характеристики одного из направлений хозяйственной деятельности региона в прошлом.

На территории области отмечаются **бинарные ойконимы**, образованные посредством *синтаксического словосложения*. В результате таких образований возникает ойконим-словосочетание, бином (сложная модель образования), которому «присуще смысловое и структурное грамматическое единство, приравнивающее словосочетание к слову: оно является одним членом предложения и функционирует в речи в качестве составного наименования» [14, с. 31].

Так, на базе ойконима *Уколово* образовалось составное наименование — бинарный ойконим **Лесное Уколово**.

От региональной лексемы *остров* — «небольшая лесная роща в степи, по берегам рек» образованы бинарные ойконимы **Зеленый Остров** (посѣлок в Ракитянском районе) и **Красный Остров** (Чернянский район) [4, с. 105].

Кодифицированная лексема *гора* — «значительная возвышенность, под-нимающаяся над окружающей местностью или выделяющаяся среди других возвышенностей» — в белгородских говорах имеет семантический вариант со значением «всякое возвышенное место» и закрепляется в местной топонимике: «*Иди ат Халоднай гары к луу*» (с. Теплое, Борисовский район).

В ойконимии нередко запечатлена архаичная семантика слов. Так, на территории области достаточно много ойконимических образований, включающих прилагательное красный в его архаичном значении ‘красивый, ясный, яркий, светлый’: п.г.т. *Красная Яруга*, с. *Красный Колодезь*, с. *Красное* и др. Эти названия не соотносятся с революционными событиями XX века, так как отмечаются историческими памятниками много ранее.

Приведем пример. **Красный куток** — село в Борисовском районе БО. Первая часть этого бинарного ойконима восходит к прилагательному *красный* в его исходном значении. Мотивационной основой второй части бинарного ойконима является диалектный эквивалент общенародной лексемы *уголок* — *куток* (ср.: *закуток*) — ‘укромное место’. Примечательно, что в переписных документах 1710 года село именуется *Красный клин*, в котором видим тот же способ образования ойконима, но с участием апеллятива *клин*. Вероятно, оба названия связаны с особенностями ландшафта местности, определявшего специфику ведения сельскохозяйственной деятельности.

Широким ареалом распространения характеризуется апеллятив *яр* (он отмечен в районах, не соседствующих друг с другом — Корочанском, Ровеньском, Грайворонском, Белгородском и др. Данная лексема на территории Белгородчины функционирует в значении, известном литературному языку, — ‘овраг, лощина’.¹⁰ Однокоренным синонимом-дублетом к слову *яр* выступает в белгородском региолекте номинация *яруга*. Актуальность данной лексемы для региона проявляется в образовании целого ряда отапеллятивных топонимов — названий населенных пунктов: *Красная Яруга*, *Большая Яруга*, *Долгая Яруга*, *Проезжая Яруга* и др. Во всех ойконимах этого ряда составные именованья включают имя собственное *Яруга*, возникающее на базе диалектного производящего нарицательного существительного.

Также в ряду бинарных наименований — белгородские ойконимы *с. Долгая Поляна*, *х. Липовый Лог*, *х. Дубовая Балка*, *х. Зелёный Гай* (*гай* — укр. «лес»), *г. Старый Оскол*, *г. Новый Оскол*, *с. Маслова Пристань* и др. Все они на уровне внутренней формы включают апеллятив из корпуса ландшафтной, фитонимической, сельскохозяйственной, гидронимической лексики и характеризующее согласованное имя прилагательное (полное: *дубовый*, *липовый* и т. д. — или краткое: — *Маслова* — притяжательное прилагательное, восходящее к фамильному антропониму *Маслов*).

Вывод

В целом можно утверждать, что ойконимическая система Белгородской области отражает особенности историко-культурной ситуации и лингвокультурной удаленности от центра, благодаря чему на данной (пограничной) территории сохраняются рефлексы межкультурных и языковых контактов, а также обнаруживается значительный пласт лексической архаики и диалектных явлений. При этом белгородская ойконимия развивается в общем русле языкового развития, в основной массе представляя собой типические структурные образования русской ойконимии.

Безусловно, в одной статье невозможно представить значительный объем рассмотренного нами фактического материала, однако уже представленные здесь ойконимы высвечивают основные тенденции в области регионального топопроизводства (как на уровне словообразовательных моделей и формантов, так и в отношении семантики производящих основ).

¹⁰ Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — Т. IV. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — С. 783.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошарная С.А., Плотникова Л.И. Диалектизмы и регионимы в речи жителей Белгородчины конца XX — начала XXI вв. / Под общ. редакцией С.А. Кошарной. — Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. — 186 с.
2. Осыков Б.И. Города и реки Белгородчины / Б.И. Осыков; Белгородское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — Белгород: Обл. типография, 1990. — 55 с.
3. Осыков Б.И. Сёла Белгородской области. Энциклопедическое издание / Б.И. Осыков. — Белгород: Константа, 2012. — 436 с. URL: <https://beluezd.ru/sela.html>.
4. Жиленкова И.И. Исследование названий населенных пунктов Белгородской области // Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области). Коллективная монография. — Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. — С. 98–115.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов [Текст] / Под ред. Н.Ю. Шведовой; АН СССР, Ин-т рус. яз., 23-е изд., испр. — М.: «Русский язык», 1991. — 915 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — В. И. Даль. — М.: Русский язык — Медиа, 2003.
7. Никонов В.А. Словарь русских фамилий / В.А. Никонов; Сост. Е.Л. Крушельницкий. — М.: Школа-пресс, 1993. — 222 с.
8. Суперанская А.В., Сулова А.В. Современные русские фамилии / А.В. Суперанская, А.В. Сулова. — М.: Наука, 1981. — 176 с.
9. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии / Б.-О. Унбегаун; общ. ред. и послесл. Б.А. Успенского. — 2-е изд., испр. — М.: Прогресс; Универс, 1995. — 446 с.
10. Никонов В.А. География фамилий / В.А. Никонов; Отв. ред. С. И. Брук. — М.: Наука, 1988. — 189 с. и др.
11. Яценко А.И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики. — Вологда, 1974. — С. 3–118.
12. Шувалов Н.И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топонимический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1989. — 160 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. — Т. 3. — Москва: Астрель: Аст, 2003. — 830 с.
14. Кожин А.П. Составные наименования в русском языке // Мысли о современном русском языке. — М., 1969. — С. 31–36.

Kosharnaya Svetlana Alekseevna

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: kosharnaja@bsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4541-3979>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=354860

Saynenko Yulia Valeryevna

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: 702669@bsu.edu.ru

Belgorod oikonyms in linguoculturological understanding

Abstract. The article presents the oikonyms of the Belgorod region, reflecting the genetically heterogeneous linguistic and dialect palette of the region. The linguistic features of the Belgorod region reflect the specifics of the historical and cultural situation of the region, thanks to which reflexes of intercultural and linguistic contacts are preserved in this (border) territory, and a significant layer of lexical archaism is revealed, which is reflected in the field of oikonymic vocabulary. Being markers of the linguoculture of an ethnos, oikonyms at the level of motivating grounds can broadcast data on historical interethnic contacts, fix household features, features of management in a given territory, characterize the ethnic composition of the territory in historical retrospect, absorb information about customs, religious beliefs, significant historical events, property relations, explicate geographical, landscape, etc. «signs» of the area.

Based on this, it seems relevant to analyze not only the structure (word formation) and grammatical design of onyms, but also to carry out a linguoculturological interpretation of the cultural semantics transmitted by them, the internal form that establishes linguistic and historical connections at the level of etymology.

In particular, anthroponymic oikonymic nominations reflect the history of the settlement of the region in modern and modern times, and the hydronymics of the Belgorod region, which serves as the basis for the formation of oikonyms, often reveals traces of the ancient presence of non-Slavic peoples in this territory. At the same time, archaic — mythologized — representations of the Slavs are often reflected in the primordial hydronymic generating bases of oikonyms.

Both national and dialect lexemes act as producing appellatives, and the latter are often the result of interethnic contacts. As for the structural design of oikonyms, according to our observations, the most productive ways of their formation are lexico-semantic, suffixal ways and syntactic addition (binary oikonyms).

Keywords: Belgorod region; linguoculturology; oikonym; anthroponym; hydronym; etymology; word formation